

Современная наука и инновации.
2024. № 2 (46). С. 163-172.
Modern Science and Innovations.
2024;2(46):163-172.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ /
POLITICAL SCIENCE

Научная статья / Original article

УДК 328
<https://doi.org/10.37493/2307-910X.2024.2.17>

Николай Александрович Шавеко
[Nikolai A. Shaveko]

Демократия и содержательная
справедливость: моральные обоснования
демократии инструментального характера
на примере взглядов Р.А. Дала

The democracy and substantive justice:
instrumental moral justifications
of democracy on the example
of R.A. Dahl's views

*Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
г. Екатеринбург, Россия, shavekonikolai@gmail.com / Institute of Philosophy and Law of the Ural
Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia, shavekonikolai@gmail.com*

Аннотация. Рассматриваются наиболее часто встречающиеся моральные обоснования демократии инструментального характера на примере взглядов Р.А. Дала. Анализируются три аргумента, приводимых Далем в поддержку демократии: 1) народ не менее компетентен в вопросах моральной истины, чем любая возможная правящая элита; 2) никакая правящая элита, даже знающая моральную истину, не будет реализовывать её на практике, если не будет контролироваться народом; 3) никакая «элита» не может быть определена в качестве таковой никем, кроме как самим народом. Каждый из этих аргументов подвергается критике автором статьи. Делается вывод, что политическое управление требует ряда личностных качеств и компетенций, которые неизбежно более развиты у одних людей, чем у других, и тем самым ставится под сомнение моральная обоснованность наделяния всего корпуса дееспособных граждан политическими правами.

Ключевые слова: Даль, попечительское правление, элитизм, демократия, справедливость, моральная истина

Для цитирования: Шавеко Н. А. Демократия и содержательная справедливость: моральные обоснования демократии инструментального характера на примере взглядов Р.А. Дала // Современная наука и инновации. 2024. № 2 (46). С. 163-172. <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2024.2.17>

Abstract. The article examines the most common instrumental moral justifications of democracy. Moral justifications are understood as justifications from the point of view of a certain social ideal, and the instrumental nature of the justifications means that the social ideal differs from democracy, and democracy is justified as a way to achieve it. Three arguments given by Dahl in support of democracy are considered: 1) the people are no less competent in matters of moral truth than any ruling elite; 2) no ruling elite, even knowing moral truth, will put it into practice if it is not controlled by the people; 3) no "elite" can be defined as such by anyone except by the people themselves. All these arguments are criticized by the author of the article. It is concluded that political governance requires a number of virtues and competencies, which are inevitably more developed in some people than in others, and thus the moral validity of universal suffrage is questioned.

Keywords: Dahl, guardianship, elitism, democracy, justice, moral truth

For citation: Shaveko NA. The democracy and substantive justice: instrumental moral justifications of democracy on the example of R.A. Dahl's views. Modern Science and Innovations. 2024;2(46):163-172. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2307-910X.2024.2.17>

© Шавеко Н. А., 2024

Введение. Все способы морального обоснования демократии как особой процедуры принятия коллективных могут быть разделены на два вида: первый (процедурный) заключается в обосновании того, что демократия справедлива сама по себе, а второй (инструментальный) – в обосновании того, что демократия способствует познанию и реализации отличного от неё самой содержательного (а не процессуального) идеала справедливости. В настоящей статье мы рассмотрим наиболее часто встречающиеся аргументы, относящиеся ко второму виду.

Инструментальные моральные обоснования демократии, как правило сводятся к утверждению, что народ лучше, чем некоторая «элита», знает, в чем состоит справедливость, или имеет больше шансов познать её, равно как и основные пути её достижения и воплощения (а потому лишь подконтрольная народу элита сможет действительно эффективно воплощать справедливость).

Материалы и методы исследований. Фундаментальным трудом по данной тематике является работа Р. Даля «Демократия и её критики» [2], в которой автор пытается обосновать демократию перед её противоположностью – попечительским правлением. Ученый понимает демократию в широком смысле, как форму правления, при которой «рядовые граждане осуществляют относительно высокую степень контроля над лидерами» [13, р. 3] или осуществляют власть непосредственно. Соответственно, попечительское правление означает такое правление, при котором народные массы отстранены от контроля за правителями, не говоря уже о прямом участии в управлении. Основная идея правления попечителей, согласно словоупотреблению Даля, состоит в том, что простые люди не способны управлять собой (в том числе путем избрания представителей и делегирования им функций управления), в связи с чем управление обществом во всех отношениях должно быть возложено на меньшинство, превосходящее остальных в знании и добродетели. Следует отметить, что те аргументы, которые выдвигает Даль, приводятся также и другими авторами, и в целом являются наиболее часто встречающимися в западной демократической теории. С учетом изложенного, анализ инструментальных обоснований демократии будет осуществлен нами через рассмотрение той критики правления попечителей, которую предлагает Даль. Мы исходим из того, что в рамках одной статьи невозможно раскрыть всю современную западную литературу по указанной теме, однако рассмотрение взглядов Даля позволяет раскрыть суть соответствующей проблематики.

Нижеприведенный анализ носит нормативный характер. Это означает, что он посвящен, в первую очередь, теоретическим аргументам «за» и «против» демократии, а не эмпирическим подтверждениям тех посылок, на которых соответствующие аргументы основываются. Однако такой анализ, как представляется, имеет самостоятельную ценность, поскольку прежде, чем обращаться к опыту, необходимо определить, в какой именно части он имеет для нас значение, и что именно подлежит доказыванию в рамках конкретных эмпирических исследований.

Результаты исследований и их обсуждение. Компетентность народа и элит в моральных вопросах. Во-первых, Даль утверждает, что, хотя существуют специалисты в техническом знании, такие как инженеры, врачи или юристы, не существует аналогичных специалистов в моральных вопросах, так как не существует объективных «моральных истин». Следовательно, никаких «компетентных» философов, лучше других знающих принципы справедливости и цели социального развития, попросту не существует.

Здесь стоит упомянуть, что из тезиса об отсутствии или непознаваемости «моральных истин» ещё не следует, что пути развития общества должны определяться демократически (то есть всеми затронутыми лицами), хотя сторонники демократии очень часто совершают эту логическую ошибку *non sequitur*.

Но верен ли сам тезис о том, что моральных истин не существует? Ответ на этот вопрос предполагает погружение в проблемы метаэтики, и в любом случае вряд ли будет окончательным. Но, как представляется, суть инструментальных обоснований демократий

заключается как раз в принятии утверждения, что моральная истина (справедливость), во-первых, существует, во-вторых, познаваема.

Как представляется, если принять эти две посылки, то далее можно обратить внимание и на то, что в любой области есть люди более компетентные и менее компетентные, а, следовательно, весьма вероятно и то, что существуют и специалисты по «моральным» вопросам. Представляется очевидным, например, что суждения философов, специализирующихся на рассмотрении моральных вопросов, будут более взвешенными и аргументированными, чем суждения обывателей.

Сказанное, конечно, не означает, что данные специалисты должны иметь право навязывать свои моральные взгляды другим людям, то есть приобретать статус «попечителей». Однако даже при таких обстоятельствах моральный философ необходим хотя бы для того, чтобы помочь нам разобраться со своими собственными моральными интуициями и цепочками логических рассуждений. Роль специалиста по моральным вопросам здесь подобна Сократу-оводу. Так, например, психологи давно отмечают, что идеологические установки рядовых граждан весьма непоследовательны: они могут скептически относиться к концепции социального обеспечения, но при этом поддерживать практически все программы социальной помощи [15; 10, р.30-36]. В этом смысле роль философа могла бы состоять в том, чтобы помочь людям разобраться в собственных моральных принципах и установках. Кроме того, в ситуации, когда есть заранее данный (скажем, демократически определенный) принцип справедливости, моральный философ мог бы с помощью эмпирических фактов и деонтической логики показать, какое именно решение на практике соответствует данному принципу [16, р. 550-551].

Выбор принципов справедливости через процедуры народного волеизъявления может быть оправдан только при доказанности эвристических преимуществ данного способа по сравнению с деятельностью «моральных философов». Но проблема в том, что обычный гражданин вовсе не имеет мотивации и времени разбираться в сложных моральных вопросах. В этих условиях те, кого можно было бы назвать «философами», не просто выявляют, но и в некоторых отношениях непременно «домысливают» (или же помогают выработать) моральные суждения, которых могли бы придерживаться те или иные рациональные и разумные граждане в условиях полноты информации и отсутствия физического и психического принуждения. Так, например, существуют научные исследования, стремящиеся установить, «каким образом индивид *стал бы* думать, если бы его демографические характеристики остались теми же, а политический I.Q. вырос до заоблачных высот» [4, с. 47] (критику применяемой при этом методологии см. в [17], а дискуссии относительно оценки результатов указанных исследований см. в [11, 12]). Следовательно, роль морального философа могла бы состоять не только в том, чтобы быть «оводом», но и в том, чтобы «домыслить» некоторые моральные суждения за граждан. И снова, это не означает, что моральные философы получают полную свободу по навязыванию остальным своих представлений хотя бы потому, что возможности «домысливания» всегда ограничены имеющимися данными (например, данными о предпочтениях хорошо информированных представителей определенной демографической группы).

Одновременно можно привести аргументы против того, чтобы моральные принципы определялись народом посредством политических выборов и т.п. механизмов, даже если народ является более компетентным в этом отношении. Здесь, в частности, обращает на себя внимание тот факт, что на практике демократии в общем и целом не являются способами определения морально-ценностного фундамента общества. Так, в типичной ситуации, когда в обществе достигнут некоторый ценностный консенсус, основные политические силы практически не отличаются друг от друга идеологически (радикальные позиции существуют, но не пользуются значительной поддержкой). Это приводит к тому, что политики пытаются завлечь электорат риторикой скорее о

добросовестности или технико-управленческой квалификации кандидатов или партий, о надуманных проблемах и противопоставлениях, чем суждениями об общем благе (поскольку базовые ценности, составляющие общее благо, уже устоялись и очевидны, в противном случае мы бы имели нетипичную ситуацию, при которой общество нестабильно, расколото и стоит на перепутье). Иными словами, основная цель политика состоит обычно уже не в том, чтобы убедить избирателя в правильности своей идеологии, а в том, чтобы вызвать к себе доверие, и доказать, что именно он сможет реализовать ходячие представления об общем благе.

Сегодня мы также сталкиваемся с попытками политиков отвлечь избирателей от идеологических вопросов. Как отмечал Дж. Кин, в позднекапиталистическом обществе господствуют «партии компромисса», то есть такие партии, которые в своей риторике избегают острых мировоззренческих дилемм, сосредотачивая внимание на уже решенных проблемах, при этом стремясь своей умеренностью и «хамелеоновской» тактикой угодить максимально широкому слою избирателей. Важную роль при этом приобретает харизматичность лидера партии [5, с. 184-191]. Короче говоря, избегание острых ценностных вопросов порой связано не с тем, что в обществе достигнут прочный консенсус, а с тем, что тактика «угоди всем» оказывается более эффективной. Но это вновь говорит о том, что демократия на самом деле не является средством разрешения моральных разногласий. Б. Манен, в свою очередь, связывал возросшую роль личных качеств политика и доверия к нему с усложнением социальных связей, делающих сомнительной любую заранее установленную политическую программу, а также с развитием СМИ (поскольку теперь влиятельная фигура может воздействовать на избирателей напрямую, не заручаясь поддержкой идейных сторонников) [6, с. 271-276]. На нестабильную среду и давление внешних факторов, препятствующих выработке четких политических программ, и способствующих конкуренции уже не программ, а личностей, обращал внимание и П. Розанваллон [8, с. 83]. Таким образом, по всей видимости, существуют и некоторые объективные причины, заставляющие сосредотачивать внимание на личности политиков, а не на их программах. От самих политиков ждут ответа не только на вопрос «как делать?», но и на вопрос «что делать?», вместо того, чтобы давать им четкие указания относительно подлежащих достижению целей.

Общий вывод состоит в том, что в действительности в ходе избирательных кампаний мы редко наблюдаем содержательные дискуссии об справедливости. Но если так, то смыслом демократических процедур практически никогда (за исключением периодов серьезных социальных потрясений и кризисов) не является выражение морально-ценностных суждений народа.

Добросовестность элит и способы их контроля. Итак, если моральная истина существует, и некие моральные философы имеют больше шансов приблизиться к ней, чем обыватели, то почему бы нам не наделить этих моральных философов особыми правами в этой области? Тем более что политические выборы на практике не служат ареной для дебатов о моральных ценностях. И если есть специалисты, которые понимают мои потребности лучше, чем я, то почему бы не наделить их большими политическими правами в соответствующей части?

Здесь Р. Даль высказывает своё второе фундаментальное возражение против идеи попечительства, апеллируя к известному афоризму Лорда Актона: «Любая власть развращает, а абсолютная власть развращает абсолютно». С точки зрения Даля, ссылающегося на исторический опыт, даже если правитель лучше всех знает, в чем состоит справедливость и предпочтения народа, он вряд ли будет действительно стремиться реализовать таковые. Добросовестный правитель остается таковым лишь постольку, поскольку его контролируют. Следовательно, по логике Даля, право окончательного решения и эффективного контроля правящих элит всегда должны оставаться за «народом». Таким образом, ученый высказывает сомнение в том, что в

отсутствие контроля со стороны народа, управление окажется в руках наиболее добродетельных людей.

В этом аргументе мы видим определенную авторскую интерпретацию человеческого опыта, которая имеет право на существование, но не является бесспорной. Однако даже если принять тот факт, что власть всегда развращает, в своем аргументе Даль вновь совершает ошибку *non sequitur*, ведь из того, что правители имеют тенденцию к недобросовестности, не следует, что их должен контролировать именно народ.

Так, возможно, мы могли бы разработать специальные механизмы для отбора во власть лиц, отвечающих строгим моральным требованиям, превышающим требования к среднестатистическому гражданину (сейчас таковые уже существуют для судей и других представителей власти). Иными словами, контроль должен быть, но не обязательно от имени «народа».

Помимо этого, даже если власть действительно развращает, не мешало бы задаться вопросом о том, будет ли сам контролирующий народ достаточно квалифицированным в своем контроле. Как мы полагаем, само по себе отсутствие активной гражданской реакции на недобросовестность чиновников далеко не всегда свидетельствует о том, что никакой недобросовестности с точки зрения общественных представлений об «общем благе» и не имеется, ведь действия людей далеко не всегда соответствуют их убеждениям, а сами убеждения далеко не всегда осмыслены. Так, не лишены смысла сетования Г. Моски на то, что демократическая система «устраняет с важных постов и должностей тех, кто не хочет или не может покупать голоса избирателей. Она против тех, у кого характер слишком возвышенный, чтобы жертвовать достоинством ради амбиций и слишком честный и порядочный, чтобы раздавать обещания без намерения их выполнять» [7, с. 214]. В свою очередь Дж. Бьюкенен указывал, что вера в эффективность электорального контроля правительств была главным заблуждением политической мысли XIX в. и первой половины XX в. [1, с. 424].

Не оспаривая тот факт, что никому не подконтрольные правители вряд ли будут добросовестными, можно задаться вопросом: а будет ли добросовестным сам «народ»? Конечно, от каждого человека можно ожидать действий, направленных на реализацию собственного интереса. Однако будут ли люди стремиться голосовать за справедливые решения и справедливых политиков вместо тех, которые выгодны лично им? Здесь уместно вспомнить поставленную еще Ж.-Ж. Руссо проблему разграничения «воли всех» и «общей воли» [9, с. 24-28, 30-33, 89-91], поскольку при голосовании граждане нередко отстаивают свои частные интересы, а вовсе не представления о справедливости. Интересен пример, который приводит один из сторонников делиберативной демократии К.С. Нино: все жильцы кондоминиума, за исключением одного, проживающего на первом этаже, приняли решение обязать последнего оплатить ремонт лифта. Названный ученый показывает, что обоснованность этого решения несколько не выигрывает от того, что данное решение удовлетворяет интересы почти всех жильцов кондоминиума [19, р. 119]. Данный пример свидетельствует о том, что наделение большинства правом определять моральные принципы, применяемые в отношении всех (в том числе опосредованно – через контроль правящих элит), может оказаться сомнительной идеей.

Короче говоря, с точки зрения нормативной теории не совсем понятно, почему именно народ в целом, а не какое-либо квалифицированное меньшинство, должен быть конечной инстанцией, судящей о добродетелях правителей. У нас действительно есть необходимость контролировать правящую элиту. Но, возможно, более эффективный способ — это сделать – попытаться развить и усовершенствовать идею разделения властей, чтобы различные части правящей элиты могли контролировать друг друга. Это, конечно, не страхует нас от общего заговора всех элит. Однако, уменьшая риск заговора элит через наделение людей все большими политическими правами, мы, вероятно, увеличиваем риски некомпетентного и недобросовестного правления, причем без

гарантии повышения эффективности контроля, поэтому здесь важно найти разумный баланс.

Проблема определения компетентной элиты. Наконец, третий аргумент против «попечительского правления» состоит в том, что даже если существуют специалисты в моральных и технических вопросах, определять принадлежность конкретных лиц к этим специалистам должен народ.

Так, признавая ценность технических специалистов, Даль предлагает делегировать им право принятия соответствующих решений, но право окончательного контроля оставить за народом. В частности, говорит мыслитель, обращаясь к врачу, мы всё же оставляем за собой возможность не следовать полученным медицинским рекомендациям [3, с. 70]. Но что Даль упускает в своем примере, так это то, что право занятия медицинской деятельностью мы изначально предоставляем лишь признанным специалистам, имеющим необходимые образование и лицензию, при этом получение ими образования и лицензии не зависит от результатов всеобщего голосования граждан, равно как и отзыв соответствующей лицензии и запрет на осуществление медицинской деятельности. В целом мы, конечно, сами решаем, обращаться к врачу или нет (хотя даже здесь стоит вспомнить о принудительном психиатрическом лечении для тех, кто представляет опасность для общества), но обычно существуют жесткие ограничения на само право называться врачом, не связанные с демократическим контролем.

В общем виде аргумент демократов против «правления знающих» выглядит следующим образом: в отсутствие демократии не ясно, кто будет выявлять этих «знающих» [14, р. 84-89]. Этот аргумент призван показать, что окончательный контроль над правящей элитой должен быть оставлен за гражданами.

Между тем, квалификацию тех или иных специалистов подтверждает, как правило, их узкое профессиональное сообщество, а не народ как целое. Например, только сообщество физиков может подтвердить квалификацию физика, пусть даже критерии и процедуры оценки не скрываются от посторонней публики. В свою очередь профессиональное сообщество историков лучше определяет компетентность того или иного автора, написавшего монографию по истории, чем широкая публика, зачастую ведущаяся на псевдоисторические спекуляции.

Конечно, если мы отдаем решение политически значимых вопросов на откуп профессионалов, то можно ожидать политизации самого процесса причисления к профессионалам. Поэтому крайне важно, чтобы сами профессиональные сообщества оставались максимально открытыми и не превращались в привилегированные касты. Как представляется, в современных обществах избежать такой опасности помогает то, что огромное множество людей по сути являются профессионалами в какой-либо сфере. Отсюда происходят, с одной стороны, плюрализация центров власти (осложняющая политические чистки профессиональных сообществ), с другой стороны, вовлечение в принятие решений широких народных масс (открытость, препятствующая образованию элитарных каст). Всё это еще не означает демократизации, если каждое конкретное решение по-прежнему принимается лишь соответствующими группами профессионалов: аналогия с профессиональными сообществами больше напоминает процедуры конкурсного отбора (как, например, в авторитарных Китае или Сингапуре), являющиеся альтернативой демократии, чем саму демократию, хотя и подразумевает открытость подобных конкурсов, равно как и публичное обоснование конкретных решений, претендующих на профессиональность.

Кроме того, как отмечается в литературе, «хотя мы не можем знать, кто из 0,1% наиболее мудр, чтобы управлять нами, мы, конечно, можем определить более невежественные и неспособные 20% или 10%, и оставить их вне политических процессов» [18, р. 50], то есть имеются некоторые очевидные факты, не вызывающие серьезных разногласий. Иными словами, если возникают сомнения в том, кого относить к «знающим», можно определить тех, кто точно не является таковым. На самом деле,

положительный эффект будет уже в том случае, если кандидаты на государственные должности будут обладать компетенциями хотя бы выше средних. Вряд ли существуют какие-то непреодолимые сложности с выполнением данной задачи. Поскольку профессионалы, как правило, принимают более правильные решения, чем непрофессионалы, отсутствует какая-то необходимость более точно определять уровень «профессиональности», хотя чем более компетентным является должностное лицо, тем лучше. Таким образом, проблема «определения знающих» не столь серьезна, как кажется.

Подводя итог второму и третьему аргументам Р. Даля в пользу демократии отметим также следующее. Сегодня в политической практике ключевым становится «имидж-мейкинг», т.е. создание медийного образа, который простому избирателю нелегко сверить с реальностью, а также ораторское искусство и манипуляция сознанием со стороны политиков. Следовательно, идея представительства не спасает демократию от того, что в большом обществе затруднен действенный контроль добросовестности и опытности политических лидеров. Вот почему смысл предвыборной агитации политических представителей столь часто искажается, сводясь к медийным войнам и пустопорожней демагогии (в ходе которой действующей власти путем контроля медиа обычно удается иллюзию добросовестности и квалифицированности своих лидеров и значимости якобы решаемых ими проблем). А значит, и добросовестность, и профессионализм правящих элит народу определить довольно сложно.

Заключение. Итак, на примере воззрений Р. Даля мы разобрали три ключевых «инструментальных» довода в пользу справедливости демократии: 1) народ не менее компетентен в моральных вопросах, чем любая возможная «элита»; 2) никакая «элита», даже знающая моральную истину, не будет реализовывать её на практике, если не будет контролироваться народом; 3) никакая «элита» не может быть определена в качестве таковой никем, кроме как самим народом. Все эти доводы мы подвергли критике.

Общий вывод состоит в том, что теоретический выбор между демократией и «отеческим правлением» во многом зависит от того, как мы характеризуем способности человека. Но идеология попечительства далеко не всегда зиждется на каком-то пессимистическом взгляде относительно природы человека и коллективного поведения (т.е. на представлении о том, что человек или народные массы ведут себя неразумно и не добросовестно). Гораздо чаще встает менее абстрактный вопрос: каких именно знаний и навыков требует политическое управление и политический выбор? Сторонники нормативного элитизма («попечительства») зачастую хотят сказать не то, что большинство людей не блещут умом, а то, что область политики не менее сложна, чем многие другие области знания и практики. В реальности, даже если допустить, что все взрослые люди способны сами выносить продуманные суждения о социальной справедливости, спорным остается наличие у типичного гражданина навыков определения тех лиц, которые лучше всего смогут реализовать его интересы в рамках, допустимых справедливостью (в современном мире, перегруженном информационными потоками, это становится всё труднее, чем и пользуются политтехнологи), а также то, что избрание лиц, уполномоченных на реализацию идеала справедливости, в целом эффективнее, чем, например, назначение этих лиц по результатам конкурса или определения их с помощью жребия.

Приведенный анализ также показывает, что спор между сторонниками демократии и попечительства во многом сводится к ответу на вопрос о том, что лучше: некомпетентная народная масса или недобросовестная элита. Демократы не верят в добросовестность неподконтрольных народу элит, а сторонники попечительства – в компетентность необузданной толпы. Но в той мере, в которой большинство избирателей будет становиться более компетентным, а элита – более добросовестной, противоречия между двумя теоретическими позициями будут устраняться. И всё же нет гарантий, что такие изменения будут существенными: некомпетентность масс и своекорыстие элит – факторы, пожалуй, фундаментальные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бьюкенен Дж. М. Политика без романтики: краткое изложение позитивной теории общественного выбора и ее нормативных условий // Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т. 4. СПб.: Экономическая школа, 2004. С. 417–434.
2. Даль Р. Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. 574 с.
3. Даль Р. А. О политическом равенстве. М.: Московская школа политических исследований, 2010. 112 с.
4. Каплан Б. Миф о рациональном избирателе: почему демократии выбирают плохую политику. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012. 368 с.
5. Кин Дж. Демократия и гражданское общество. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 397 с.
6. Манен Б. Принципы представительного правления. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2008. 322 с.
7. Моска Г. Начала политической науки. М.: Русайнс, 2016. 256 с.
8. Розанваллон П. Демократическая легитимность. Беспристрастность, рефлексивность, близость. М.: Московская школа гражданского просвещения, 2015. 300 с.
9. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. Принципы политического права. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. 124 с.
10. Achen Ch. H., Bartels L. M. Democracy for realists: why elections do not produce responsive government. Princeton: Princeton University Press, 2016. 390 p.
11. Althaus S. L. Collective Preferences in Democratic Politics: Opinion Surveys and the Will of the People. New York: Cambridge University Press, 2003. 370 p.
12. Bartels L. M. Uninformed Votes: Information Effects in Presidential Elections // American Journal of Political Science. 1996. Vol. 40. No. 1. P. 194–230.
13. Dahl R. A Preface to Democratic Theory. Chicago, London: University of Chicago Press, 2006. 200 p.
14. Estlund D. Making truth safe for democracy // Idea of democracy. Ed. by Copp D., Hampton J., Roemer J. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 71–100.
15. Free L. A., Cantril H. The Political Beliefs of Americans. A Study of Public Opinion. New Brunswick, New York: Rutgers University Press, 1967. 239 p.
16. Holsta C., Molander A. Epistemic democracy and the role of experts // Contemporary Political Theory. 2019. Vol. 18. P. 541–561.
17. Luskin R. C. Measuring Political Sophistication // American Journal of Political Science. 1987. Vol. 4. No. 31. P. 856–899.
18. Marti J. L. The epistemic conception of deliberative democracy defended // Deliberative democracy and its discontents / Ed. by Besson S. and Marti J. L. Hampshire: Routledge, 2006. P. 27–56.
19. Nino C. S. The constitution of deliberative democracy. New Haven & London: Yale University Press, 1996. 251 p.

REFERENCES

1. Buchanan JM. Politics Without Romance: A Sketch Of Positive Public Choice Theory And Its Normative Implications // Vehi jekonomicheskoy mysli. Jekonomika blagosostojanija i obshhestvennyj vybor = Milestones of Economic Thought: Welfare

- Economics and Public Choice. Vol. 4. St. Petersburg: Economic school; 2004;417-434. (In Russ.).
2. Dahl R. Democracy and its critics. Moscow: ROSSPEN; 2003. 574 p. (In Russ.).
 3. Dahl RA. On political equality. Moscow: Moscow School of Political Studies; 2010. 112 p. (In Russ.).
 4. Caplan B. The myth of the rational voter: why democracies choose bad policies. Moscow: IRISEN, Mysl'; 2012. 368 p. (In Russ.).
 5. Keane J. Democracy and civil society. On the Predicaments of European Socialism, the Prospects for Democracy, and the Problem of Controlling Social and Political Power. Moscow: Progress-Tradition; 2001. 397 p. (In Russ.).
 6. Manin B. The principles of representative government. St. Petersburg: Publishing House of the European University; 2008. 322 p. (In Russ.).
 7. Mosca G. The ruling class. Moscow: Rusains; 2016. 256 p. (In Russ.).
 8. Rosanvallon P. Democratic legitimacy. Impartiality, reflexivity, proximity. Moscow: Moscow School of Civic Education; 2015. 300 p. (In Russ.).
 9. Rousseau J.-J. On the social contract or principles of political right. Moscow: State Social and Economic Publishing House; 1938. 124 p. (In Russ.).
 10. Achen ShH, Bartels LM. Democracy for realists: why elections do not produce responsive government. Princeton: Princeton University Press; 2016. 390 p.
 11. Althaus SL. Collective Preferences in Democratic Politics: Opinion Surveys and the Will of the People. New York: Cambridge University Press; 2003. 370 p.
 12. Bartels LM. Uninformed Votes: Information Effects in Presidential Elections. American Journal of Political Science. 1996;40(1):194-230.
 13. Dahl R. A Preface to Democratic Theory. Chicago, London: University of Chicago Press; 2006. 200 p.
 14. Estlund D. Making truth safe for democracy. Idea of democracy. Ed. by Copp D., Hampton J., Roemer J. Cambridge: Cambridge University Press; 1993. P. 71-100.
 15. Free LA., Cantril H. The Political Beliefs of Americans. A Study of Public Opinion. New Brunswick, New York: Rutgers University Press; 1967. 239 p.
 16. Holsta C, Molander A. Epistemic democracy and the role of experts. Contemporary Political Theory. 2019;18:541-561.
 17. Luskin RC. Measuring Political Sophistication. American Journal of Political Science. 1987;4(31):856-899.
 18. Marti JL. The epistemic conception of deliberative democracy defended. Deliberative democracy and its discontents. Ed. by Besson S and Marti JL. Hampshire: Routledge; 2006. P. 27-56.
 19. Nino CS. The constitution of deliberative democracy. New Haven & London: Yale University Press; 1996. 251 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Николай Александрович Шавеко – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права, Уральское отделение Российской академии наук, shavekonikolai@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolai A. Shaveko – Cand. Sci. (Law), Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, shavekonikolai@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию: 14.03.2024;

одобрена после рецензирования: 19.04.2024;

принята к публикации: 07.06.2024.

The article was submitted: 14.03.2024;

approved after reviewing: 19.04.2024;

accepted for publication: 07.06.2024.